

Алимов Константин Сергеевич

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский

государственный архитектурно-строительный университет»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-138784

**ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: в условиях трансформирующейся правовой реальности гражданская процессуальная политика Российской Федерации развивается на стыке национальной правовой идентичности и глобальных правовых трендов. В статье предпринята попытка аналитически осмыслить процесс ее формирования и трансформации в контексте глобализации, когда юридические нормы, институты и практики становятся объектами транснационального обмена и правовой гармонизации. Акцент сделан на выявлении внутренних и внешних факторов, влияющих на вектор развития процессуальной политики, включая воздействие Европейской конвенции о защите прав человека, имплементацию стандартов справедливого правосудия, цифровизацию процедур и адаптацию зарубежных правовых институтов. Проанализированы этапы институционального становления гражданского процесса, начиная с реформ 1990-х годов и заканчивая актуальными изменениями 2020-х годов, включая суверенизацию процессуальной политики после выхода России из юрисдикции ЕСПЧ. Научная дискуссия вокруг этих процессов демонстрирует расхождение в подходах: от ориентации на глобальные модели до утверждения приоритета национального правового суверенитета. Делается вывод о необходимости разработки целостной концепции гражданской процессуальной политики как инструмента обеспечения баланса между универсализмом и национальной спецификой.

Ключевые слова: гражданская процессуальная политика, правовая глобализация, правовая гармонизация, цифровизация судопроизводства, международные стандарты правосудия, правовой суверенитет, институциональные реформы.

С учетом концептуальных установок современной юридической науки, гражданская процессуальная правовая политика в Российской Федерации формируется в условиях устойчивого напряжения между противоположно направленными правовыми трендами. С одной стороны, она сохраняет преемственность и укорененность в исторически сложившихся судебных институтах – от дореволюционной судебной реформы 1864 года до советской модели процессуальной организации [1, с. 32]. С другой – усиливается влияние глобализационных процессов, проявляющихся в транснациональной циркуляции правовых идей, международных стандартах справедливого правосудия и внедрении цифровых технологий. Таким образом, рассматриваемая политика выступает неотъемлемым компонентом общей правовой стратегии государства, ориентированной на совершенствование регулятивной базы, институциональной архитектуры и механизмов реализации права на судебную защиту. В новых условиях ее развитие объективно выходит за пределы сугубо внутренней нормативной парадигмы и требует соотнесения с универсальными правовыми ориентирами, транслируемыми международными организациями, зарубежными юрисдикциями и цифровой повесткой.

Анализ этапов становления данного направления позволяет утверждать, что как самостоятельная область правовой политики оно стало формироваться в постсоветский период, в контексте глубоких институциональных преобразований. Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году, зафиксировавшей в ст. 2 и 15 [2] верховенство закона и приоритет прав и свобод человека, ознаменовало начало концептуального обновления процессуального законодательства. Впоследствии был принят Гражданский процессуальный кодекс РФ [3] закрепивший системные принципы судопроизводства – состязательность, независимость суда, равноправие сторон, гласность и доступность судебной защиты.

2 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Тем самым, произошло не просто отраслевое воплощение конституционных положений, но и институционализация нового процессуального курса, ориентированного на сближение с международными стандартами.

Ключевым моментом интернационализации отечественной процессуальной политики стало присоединение России к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1998) [4], что влекло за собой обязательство исполнять решения Европейского суда по правам человека. Существенное влияние оказала ст. 6 Конвенции, закрепляющая право на справедливое судебное разбирательство. Под ее воздействием в российскую юрисдикцию были интегрированы институциональные инновации, ранее отсутствовавшие в системе: институты приказного и упрощенного производства, механизм медиации, расширенные формы судебного контроля [5, с. 59]. Так, Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6] ввел в правовое поле процедуру медиации, заимствованную из европейской практики. А в ГПК РФ появились положения, регулирующие применение технологий видеоконференц-связи (ст. 155.1) и дистанционного правосудия (ст. 155.2) [3], что было дополнительно институционализировано Постановлением Президиума ВС РФ и Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 [7].

Параллельно с международным влиянием укреплялась внутренняя тенденция к унификации процедурных стандартов. В 2019–2020 годах была реализована масштабная «процессуальная реформа», направленная на сближение гражданского и арбитражного судопроизводства [8, с. 238]. В числе ее результатов – создание кассационных и апелляционных округов, стандартизация требований к подаче и рассмотрению исков, унификация правового регулирования стадий процесса. Данные меры не только улучшили управляемость судебной системы, но и соответствовали глобальному курсу на оптимизацию процедур и повышение доступности правосудия, что аналогично наблюдалось в Германии, Франции, Великобритании [1, с. 139].

Однако трансформация затронула и аксиологическую составляющую. Под давлением международных обязательств Россия была вынуждена учитывать установившиеся в глобальной правовой среде стандарты, включая разумные сроки рассмотрения дел, гарантии доступа к суду и эффективность правоприменения. Эти установки были имплементированы в отечественную правовую систему, в частности, через редакцию ст. 392 ГПК РФ [3], допускающую пересмотр дел по решениям ЕСПЧ. Однако после 2022 года, в связи с денонсацией участия РФ в Совете Европы, вектор изменился. Так, Федеральным законом от 11.06.2022 № 162-ФЗ «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 году» [9] положения, связанные национальное правосудие с решениями Страсбурга, были исключены, что символизировало переход к модели правовой автономии, при сохранении в Конституции РФ (ст. 46 и 50) [2] принципов, обеспечивающих универсальный характер судебной защиты.

Начиная с 2022 года, акцент в гражданской процессуальной политике смешается в сторону технологической суверенизации. Активно обсуждается внедрение электронных форм правосудия, цифровых платформ, автоматизированного документооборота. Так, направление судебных уведомлений через портал «Госуслуги», подтверждает укоренение цифровой логики в процессуальную ткань. Одновременно в экспертной среде обсуждаются перспективы институционализации таких механизмов, как коллективные иски, принцип proportionality, процессуальная экономия, что свидетельствует о сохранении интереса к зарубежным моделям, хотя и с оговоркой на их адаптацию к российскому контексту.

Научная дискуссия, сопровождающая данный процесс, демонстрирует разнообразие мнений. А.В. Малько обращает внимание на важность балансирования между универсализмом и национальной спецификой, подчеркивая адекватный, а не копирующий характер правовой политики [1, с. 147]. Напротив, Т.В. Соловьева указывает на риски механического импорта правовых решений,

4 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

не учитывающих институциональные особенности и правовую ментальность [5, с. 96]. При этом большинство исследователей сходятся в оценке гражданской процессуальной политики как гибридного феномена, сочетающего в себе элементы правового суверенитета и открытости к транснациональным практикам.

Так, на уровне практики правоприменения четко фиксируется устойчивое противоречие. Даже те нововведения, которые концептуально опираются на признанные международные образцы и обладают потенциально высоким модернизационным потенциалом, на деле оказываются неработающими или низкоэффективными. Причина заключается преимущественно не в дефектах юридической техники или конструкции самой нормы, а в отсутствии адекватной организационной инфраструктуры, в неготовности кадров, в слабой адаптированности процедур к реальной институциональной среде. Иллюстрацией может служить правовой институт медиации, введенный Федеральным законом от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6], отражающий современный подход к внесудебному урегулированию споров. Несмотря на правовую закрепленность и соответствие глобальному тренду на альтернативные формы правосудия, данный механизм не стал устойчивой частью процессуальной практики. Его неэффективность обусловлена сразу несколькими системными факторами: недостаточной информированностью сторон процесса, отсутствием стимулирующих механизмов у судебского корпуса, а также слабой интеграцией медиативных практик в профессиональную среду. Как следствие, данная норма, несмотря на формальное существование, остается фактически изолированной от реального процессуального оборота.

В такой ситуации, безусловно, необходим переход от локализованных и ситуативных изменений нормативной базы к комплексному стратегическому проектированию модели гражданской процессуальной политики, основанной на согласованных приоритетах и институциональных механизмах их реализации. Такой переход предполагает формулирование устойчивых ориентиров развития – среди которых особое значение приобретают внедрение цифровых технологий в

сферу правосудия, повышение транспарентности и авторитета судебной системы, а также гарантированное обеспечение прав и свобод личности. Однако даже ясно очерченные цели без опоры на стабильный нормативно-институциональный фундамент рисуют остаться декларативными. Именно, в связи с этим обоснованным представляется предложение о разработке и законодательном закреплении Концепции развития гражданского процессуального законодательства, по аналогии с Концепцией развития гражданского законодательства, ранее утвержденной в рамках системной правовой реформы. Такой документ мог бы выполнять роль структурообразующего ориентира, способного объединить усилия различных субъектов правовой политики – от представителей законодательной и судебной ветвей власти до научных центров и профессиональных сообществ, обеспечивая институциональную связность и правовую преемственность.

В целом, развитие гражданской процессуальной политики в условиях глобализации носит характер нелинейного и многокомпонентного процесса, сочетающего нормативную реконфигурацию, технологическое обновление и переосмысление ценностных основ. Данный процесс не укладывается в дихотомию «внешнего» и «внутреннего» – он разворачивается в логике синтеза, выборочной интеграции и функционального заимствования. Именно способность сочетать внешние инновации с внутренней нормативной целостностью предопределяет жизнеспособность и устойчивость российской модели гражданского судопроизводства в трансформирующемся глобальном контексте.

Список литературы

1. Малько А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, С.Е. Чаннова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 296 с.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 04.09.2022) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №46. – Ст. 4532.

-
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – №3. – С. 3–15.
 5. Соловьева Т.В. Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации / Т.В. Соловьева. – М.: Статут, 2021. – 240 с.
 6. Федеральный закон от 27.07.2010 №193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – №31. – Ст. 4164.
 7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. №821 «О введении в действие механизмов дистанционного участия в судебных заседаниях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 05.05.2025).
 8. Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия: коллективная монография / под ред. М.А. Фокиной. – М.: Юриспруденция, 2021. – 368 с.
 9. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. №162-ФЗ «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 году» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – №24. – Ст. 4106.